

4. Bozhovich L.I. Problema razvitija motivacionnoj sfery rebenka // *Izuchenie motivacii detej i podrostkov*. M.: Pedagogika, 1972. S. 7–44.

5. Vasil'ev I.A. Motivacija i smyslovaja reguljacija myslitel'noj dejatel'nosti // *Sovremennaja psihologija motivacii* / pod red. D.A. Leont'eva. M.: Smysl, 2002. S. 214–232.

6. Viljunas V.K. Psihologicheskie mehanizmy motivacii cheloveka. M.: Izd-vo MGU, 1990.

7. Vinogradov Ju.V. Vlijanie affektivnyh sledov na strukturu myslitel'noj dejatel'nosti // *Psihologicheskoe issledovanie intellektual'noj dejatel'nosti*. M.: Izd-vo MGU, 1979. S. 50–55.

8. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva. M.: Pedagogika, 1987.

9. Golubeva O.V. Gipoteza jevidencial'nosti vyvodnogo znaniya (jeksperimental'noe issledovanie). Tver': Tver. gos. un-t, 2016.

10. Zinchenko V.P. Posoh Osipa Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoj psihologii. M.: Nov. shk., 1997.

11. Kincel' A.V. Jeksperimental'noe issledovanie jemocional'no-smyslovoj dominanty kak teksto-obrazujushhego faktora: dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 1998.

12. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. M.: Smysl, 1997.

13. Leont'ev A.A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M.: Prosveshhenie, 1969.

14. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i jemocii. M.: MGU, 1971.

15. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M., 2001.

16. Panarina N.S. Psiholingvisticheskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentnosti: avtoref. ... dis. kand. nauk. M., 2018.

17. Pishhal'nikova V.A. Analiz jazyka kak sinergeticheskoj sistemy: ob odnom «zaimstvovanii» v russkom jazyke // *Izv. Alt. gos. un-ta*. 2000. № 4. S. 96–100.

18. Pishhal'nikova V.A. Psihopojetika. Barnaul: Izd-vo Alt.GU, 1999.

19. Pishhal'nikova V.A., Panarina N.S. Modnoe precedentnoe imya / tekst: prichiny pojavlenija i specifika funkcionirovanija // *Jazyk i moda: sb. st. / RAN INION. Otdel jazykoznanija / otv. red. N.N. Troshina*. M., 2017. S. 87–96.

20. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk. M.: Izd-vo «Labirint», 2010.

21. Psihologija jemocij. Teksty / pod red. V.K. Viljunasa, Ju.B. Gippenrejter. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.

22. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshej psihologii. SPb.: Izd-vo «Piter», 2000.

23. Hlopova A.I. Verbal'naja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2018.

24. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

25. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii: monogr. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016.

26. Shevchenko S.N. Strukturnaja specifika associativnogo polja leksicheskijh edinic, oboznachajushhijh poleznye iskopaemye, kak projavlenie semanticheskijh razlichij leksem: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2018.

Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process

The article considers the theory of emotions from the perspective of psychology, neurophysiology and linguistics. The author substantiates the idea of the theory of emotions as one of the constituent parts of the interdisciplinary concept of speech process.

Key words: *speech process, theory of emotions, interdisciplinarity.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

И.А. ЩИРОВА
(Санкт-Петербург)

КОГНИТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ ЧИТАТЕЛЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С учетом интерпретирующего характера современной научной парадигмы акцентируется значимость интерпретации, которая рассматривается как когнитивная целенаправленная деятельность. Выделяются условия успешной интерпретации художественного текста, в том числе когнитивная активность интерпретатора, семантические приращения художественного слова и особенности художественного воспроизведения эмоций.

Ключевые слова: *диалогизм, интерпретация, интенциональность, когнитивная деятельность, когнитивная активность, имплицитные смыслы, эмотивная семантика.*

Значимость проблем интерпретации для современной науки не подлежит сомнению: доминирующие идеи диалогизма заставляют видеть в тексте индивидуально-авторский вариант видения мира, с необходимостью актуа-

лизирующийся в сознании адресата. В описании текста традиционно выделяются «два момента», характеризующие, согласно М.М. Бахтину, текст как высказывание: замысел («интенция») текста и его осуществление. Эти «моменты» находятся в динамических взаимоотношениях, в состоянии расхождения и борьбы, которые определяют характер текста. Понимание воспринимается как диалог, «важное отношение», исключающее тавтологию или дублирование, поскольку в понимании всегда присутствуют двое. Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления [1, с. 307, 330, 336].

Внимание к вопросам диалогизма, самоидентификации, адресованности и смысловой незавершенности (открытости) текста подразумевает важность интерпретирующей инстанции. Как и в процессе текстопорождения, в процессе текстовосприятия сегодня акцентируется творческая роль личности в познании мира. Поскольку заданность мира языковой личности осуществляется только через ее переживания, языковая репрезентация / объективация / вербализация всегда является личностной интерпретацией мира [6]. Понятие языковой личности, таким образом, экстраполируется на все антропоцентры художественного текста, а интенциональность приписывается не только созданию, но и интерпретации текста, формирующей структуру сознания интерпретатора как мыслящего и чувствующего коммуницирующего субъекта.

Высокая степень когнитивной активности, необходимая для восприятия сложных художественных текстов, предполагает вовлечение в освоение текстового смысла *ratio* и *emotio* интерпретатора, не только его способность к эмпатии, но и наличие у него намерений понять автора произведения как «другое, чужое сознание», воспринимающее и оценивающее мир. Намерения интерпретатора позволяют видеть в интерпретации «целенаправленную когнитивную деятельность», а в ее анализе выделять субъект, объекты, процедурный аспект, цели и результаты, «материал» и инструменты. В число личностных аспектов интерпретации включается интенциональность [3, с. 31].

Идея интенциональности и мирообразующего сознания, без которого для личности не существует внешнего мира, обсуждалась в контексте описания психических переживаний еще в средневековой схоластике. Впоследствии, получив системное представление в феноменологии Э. Гуссерля, она стала связы-

ваться с направленностью сознания на объект, позволяющей личности не просто пассивно воспринимать мир, но активно создавать его, наполнять «содержанием, смыслом и значением» [4, с. 270; 2, с. 351]. Интенциональность приписывается обоим коммуникативным инстанциям — автору и читателю в разных «науках о тексте». Так, рецептивная эстетика постулирует существование в сознании структур, предопределяющих характер восприятия литературного произведения и активно модифицирующих представление о нем. Для возникновения литературного произведения обязательной объявляется его «встреча» с читателем. Читатель воздействует на произведение, обуславливает конкретно-исторический характер его восприятия [Там же]. В теории Х.-Р. Яусса слияние горизонта ожидания произведения и горизонта ожидания читателя называется необходимым условием рецепции произведения. В классической модели параметров текстуальности Р. де Богранда и В. Дресслера, представляющих лингвистику текста, интенциональность понимается как авторское намерение произвести связный и целостный текст. Для обозначения намерений адресата получить связный и целостный текст используется название иной категории текста — восприимчивости. При включении интерпретации в пространство когнитивистики в интенциональности как в «личностном аспекте интерпретации» выделяются «две стороны»: намерения интерпретатора и намерения автора, более или менее адекватно распознаваемые и регулирующие ход интерпретации, т. е. гипотетичные по своей сути. Эти стороны интенциональности, по мнению В.З. Демьянкова, устанавливают «шкалу оценок личности интерпретатора», заключаются в принятии возможных авторских намерений как законных или «критично и отстраненно». Эмпатия в этом случае связывается либо с принятием презумпций авторской точки зрения и попыткой взглянуть на мир «чужими глазами», либо с принятием этой точки зрения как аксиомы и с «готовностью узаконить» авторские намерения [3, с. 33].

Акцентирование намерений интерпретатора коррелирует с интерпретативным характером когнитивной парадигмы и свидетельствует в пользу закрепления за интерпретатором статуса активной когнитивно-коммуникативной инстанции, причем эта активность, по-видимому, может демонстрироваться в большей или меньшей степени. Напомним, что интенциональность как намере-

ния, распознаваемые и регулирующие ход интерпретации, соотносятся, в частности, с глубиной и завершенностью интерпретации [3, с. 33]. Критерий глубины интерпретации (понимания) – «один из высших критериев в гуманитарном познании», по М.М. Бахтину [1, с. 339], имплицитно в таких наименованиях интерпретирующей инстанции, как «идеальный читатель», «искушенный читатель», «наивный читатель» и пр. Оправданно предположить, что глубокая интерпретация требует от читателя активной когнитивной деятельности, необходимой для проникновения в концептуально-тематическую суть текста, в то время как результатом «лености ума» и чувства является интерпретация поверхностная, не способная актуализировать запрограммированный автором набор текстовых смыслов.

Авторское структурирование, задающее ход интерпретации художественного целого на разных уровнях текстовой организации, моделировалось исследователями неоднократно, в том числе с позиций принципов выдвижения. Интенциональность / осознанность (намеренность), о которой мы рассуждаем, относится к ключевым терминам современной теории выдвижения. Содержательное наполнение выдвижения подразумевает эмфазу, фокусирование, т. е. выделение наиболее важной для читателя информации, в первую очередь на уровне темы или идеи. Выдвижение – это тематическое или концептуальное акцентирование, соотносящееся с острашением и информационной ценностью [11, р. 30–33]. Как единое смысловое целое, подчиненное авторскому замыслу (интенции), художественный текст организуется посредством выдвижения значимого на фоне второстепенного и подчиняется базовым принципам текстопорождения – селекции и комбинации.

Из всего богатства и разнообразия реального мира автор отбирает то, что считает важным для обсуждения с адресатом. Комбинируя отобранное и трансформируя его с помощью художественного воображения, автор структурирует художественное целое – фикциональный мир текста. Отношение автора к моделируемой художественной ситуации и опосредованно к реальной действительности является конститутивной характеристикой художественного образа и выражается эксплицитно или имплицитно. Для того чтобы осветить глубинный текстовый смысл и разделить (в том случае, если читатель идеален) авторские оценки, интерпретатор должен понять текст,

т. е. воспроизвести творческий процесс в его обратной последовательности.

Успешность такого понимания, без которого невозможна глубина интерпретации, зависит от языковой компетенции читателя, его интертекстуальной энциклопедии и способности вычленить наслоения культурных эпох, от эстетического и литературного вкуса, богатства жизненного опыта и внутреннего мира, от его знания традиционной интерпретации, если она уже состоялась, и когнитивной активности. Только совокупность этих факторов позволит читателю проследить смысловые нюансы, которыми обрастает слово в процессе интеграции с текстовым целым. Текст есть органическое сочетание определенного и неопределенного, текстовых подсказок и рецептивных трудностей, простых, сложных и сверхсложных семантических лабиринтов. Каждое слово текста является неотъемлемым компонентом художественного смыслового единства, но обладает собственной эстетической значимостью, имеет собственный, заложенный автором в интерпретационную программу смысловой потенциал. Актуализировать этот потенциал способен активное читательское сознание. Лишь в идеальном случае совпадения смысловых полей автора и читателя адресованные читателю языковые сигналы, формирующие структуру сложных для восприятия художественных текстов, обеспечивают совпадение авторского замысла и его реализации, т. е. становятся «точками контакта» автора и читателя (фразеология О.П. Воробьева). В реальной коммуникации эти отношения всегда создают «дополнительные альтернативные возможности» (фразеология Ю.М. Лотмана). Интерпретационное решение, таким образом, задается автором, но реализуется при условии необходимой когнитивной активности читателя.

Чем более сложным для восприятия оказывается текст, тем более гибкой является заложенная в него интерпретационная программа и тем большую степень когнитивной активности должен продемонстрировать читатель, который осваивает и присваивает этот текст. Эффективными средствами активизации когнитивных усилий читателя выступают: иллюзия авторского отсутствия, создаваемая посредством перемещения субъективного авторского оценочного мнения в подтекст; диалогическая выразительность, когда «всякое переживание героя лежит на границе своего и чужого сознания, осознается из себя и из другого», но

автор «не заглушает чужого голоса», «никогда не кончает его от себя» [1, с. 368, 342]; иронический модус повествования, заставляющий читателя искать скрытый смысл текста; множественные интертекстуальные переключки и прочие художественные средства, прогнозирующие неоднозначности в текстовой структуре. Когнитивная активность, без которой недостижима успешная интерпретация сложных, нередко экспериментально-новаторских художественных текстов, позволяет читателю (обратимся к фразеологии Умберто Эко), «путешествуя в нарративных лесах», пересекать границы простых повествовательных лабиринтов и выходить в пространство сложных и сверхсложных лабиринтов, маркирующих усложнение семантики художественного образа и самой художественной формы.

Усложнение типа лабиринта можно связать с различными аспектами текстового целого, например с организацией его повествовательной структуры, синтаксическим построением или построением семантического пространства. В последнем случае языковые единицы, реализующие прямое денотативное или коннотативное значение, сформируют простой лабиринт (т. е. выступают его компонентами), в то время как семантические приращения языковой единицы, ее метафоризация или образование символических значений трансформируют этот лабиринт в сложный или сверхсложный. Неслучайно понимание метафоры сравнивается с постижением произведения искусства. Ср. у Т. Козна “Grasping a metaphor is like interpreting a work of art” [10, p. 233]. Правомерность предложенного соотношения семантики языковой единицы и типа лабиринта подтверждается традиционным разграничением степеней эстетической значимости слова, среди которых различаются минимальная индивидуализация значения слова, связанная с выбором значений; обретение словом дополнительных оттенков значения, т. е. приращение им смысла и образование собственно эстетических художественных значений (О.В. Загоровская). Подобные семантические приращения рассматривались автором статьи как база для функциональной трансформации художественной детали в англоязычной психологической литературе XX в. (см., например, [8]). Функционирование деталей внешнесобытийного ряда учитывало возможность использования специфики их образности для раскрытия эмоциональной специфики персонажа и позволило классифицировать детали как эмо-

ционально-нейтральные, эмоционально-окрашенные, эмоционально-сущностные и эмоциональные символы. Имплицирование внутреннего мира через детали внешнесобытийного ряда является эффективным средством воздействия на читателя: оно программирует гибкость интерпретационной программы психологического текста и расширение спектра интерпретационных решений, что интенсифицирует когнитивную активность. Однако и эксплицитное выражение эмоций (например, присутствие слов эмотивной семантики, называющих, обозначающих, описывающих или выражающих эмоции) не может служить основанием для категоричных выводов интерпретатора: такие слова образуют нечеткие семантические множества, а их употребление и интерпретация отличаются высокой степенью субъективности [5, с. 91]. В.И. Шаховский справедливо обращает внимание на важность развития эмотивной языковой компетенции интерпретатора и настаивает на необходимости специальных занятий по интерпретации эмотивных смыслов [7, с. 49]. В монографии «Лингвистическая теория эмоций», по праву вошедшей в золотой фонд отечественной науки, обозначается широкий спектр возможностей, предоставляемых читателю художественным воспроизведением эмоций (при условии когнитивной активности читателя и его способности приблизиться к идеальному читателю эти возможности окажутся реализованными). Высокая плотность эмоционального пространства текста обеспечивается эмоциями, которые называются прямо или имплицируются, выражаются через эмотивные речевые акты, передаются через описание эмоционального языка тела, присутствуют в авторских ремарках и пр. Читатель-наблюдатель вовлекается в эмоциональное пространство, включается в динамику эмоциональных ситуаций, испытывает эмпатию, в то время как художественные коммуниканты передают ему «свои эмоциональные состояния, переживания и отношения» «через соответствующие лексические, грамматические и стилистические решения» [Там же, с. 275, 277].

Все сказанное закономерно возвращает нас к идеям необходимости когнитивной активности читателя как интерпретирующей инстанции и изначально обозначенному тезису о значимости интерпретации как когнитивной целенаправленной деятельности. Этот тезис вписывается в установки антропометрической науки. Вместе с тем интерпретатору не следу-

ет забывать и об ответственности за предлагаемое им прочтение авторской мысли. Диапазон интерпретаций текста не безграничен и детерминирован как моделируемой в тексте реальной действительностью («факты являются отправной точкой наших интерпретаций» [9, с. 538]), так и заданной автором текстовой структурой. Автор, замечает по этому поводу М.М. Бахтин, не может отдавать свое речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам. С большей или меньшей степенью осознанности он всегда предполагает еще и высшую инстанцию ответного понимания. Этот «над-адресат», «третий» (помимо автора и читателя, участвующих в диалоге), всегда способен на «идеально верное понимание». В разные эпохи и при разном миропонимании он принимает разные идеологические выражения: Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и пр. [1, с. 337]. Вопрос адекватности интерпретации, таким образом, имеет важный этический аспект, побуждающий читателя к когнитивной активности, необходимой для успешной интерпретации, и выбору обоснованных интерпретационных решений.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Рус. словари, 1996. Т. 5.
2. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: INTRADA, 2004.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
4. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1999.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
6. Шаховский В.И. Текст как способ экспликации эмотивности языкового сознания // Языковые сознания: содержание и функционирование: тезисы докл. XIII Междунар. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 174–175.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Волгоград: Перемена, 2008.
8. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложно-го. СПб.: Политехника-Сервис, 2013.
9. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академ. проект, 2016.

10. Cohen T. Metaphor, Feeling and Narrative // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology. Blackwell Publishing, 2004. P. 231–231.

11. Douthwaite J. Towards a linguistic theory of foregrounding. Alessandria, Edizioni dell'Orso, 2000.

* * *

1. Bahtin M.M. Sbranie sochinenij. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov. M.: Rus. slovani, 1996. T. 5.

2. Zapadnoe literaturovedenie XX veka: jenciklopedija. M.: INTRADA, 2004.

3. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M.: Filol. fak-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997.

4. Novejšij filosofskij slovar' / gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov. Minsk: Izd-vo V.M. Skakun, 1999.

5. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semantičeskoj sisteme jazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1987.

6. Shahovskij V.I. Tekst kak sposob jeksplikacii jemotivnosti jazykovogo soznanija // Jazykovye soznanija: sodержanie i funkcionirovanie: tezisы dokl. XIII Mezhdunar. simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. M., 2000. S. 174–175.

7. Shahovskij V.I. Lingvističeskaja teorija jemocij. Volgograd: Peremena, 2008.

8. Shhirova I.A. Tekst skvoz' prizmu slozhnogo. SPb.: Politehnika-Servis, 2013.

9. Jeko U. Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovanija znaka i interpretacii. M.: Akadem. proekt, 2016.

Cognitive activity of the reader as a condition for successful interpretation

The article looks upon interpretation as a purposeful cognitive activity placing emphasis on the significance of interpretation in the modern scientific paradigm. The author points out the conditions for the successful interpretation of a literary text, including the cognitive activity of the interpreter, semantic increments of the artistic word and specific features of the artistic reproduction of emotions.

Key words: dialogism, interpretation, intentionality, cognitive activity, cognitive activity, implicit meanings, emotive semantics.

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)